

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jkatfr>

Размышления о присягах в уголовном процессе: стоит ли возвращаться к «царскому» инструментарию?

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8295-9884

<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена размышлениям о присягах в уголовном процессе. Цель – рассмотреть вопрос о возможности более активного использования потенциала присяг как традиционно признаваемых гарантий благонадежности намерений участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений. В этой связи выявляются причины отсутствия подобных гарантий в уголовном судопроизводстве современной России – они усматриваются в обстоятельствах возникновения раннесоветской системы уголовной юстиции, обусловленных отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе присяг, прежде используемых в судопроизводстве Российской Империи, а затем замененных механизмами предупреждений свидетелей, экспертов и других лиц об уголовной ответственности. Подобные предупреждения оцениваются как плохо согласующиеся с известным принципом презумпции знания уголовного закона. В результате приводятся аргументы, исключающие возможность полной реставрации дореволюционных религиозных присяг. Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг оценивается как имеющая весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предупреждениями об уголовной ответственности. В этой связи законодателю предлагается задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, то есть исключающей религиозную направленность, форме. Одновременно говорится о разумности перевода предупреждений об уголовной ответственности в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей для использования в тактических целях, то есть по собственному усмотрению.

Ключевые слова: дача заведомо ложных показаний, заведомо ложное заключение эксперта, отказ от дачи показаний, подписка свидетеля, подписка эксперта, предупреждение об уголовной ответственности, присяга, судебная клятва

Цитирование: Россинский С. Б. Размышления о присягах в уголовном процессе: стоит ли возвращаться к «царскому» инструментарию? *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 3. С. 462–471. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-462-471>

Поступила в редакцию 11.07.2025. Принята после рецензирования 04.08.2025. Принята в печать 04.08.2025.

full article

Oaths in Criminal Procedure: Back to Tsarist Tools?

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8295-9884

<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: In criminal proceedings, oaths traditionally guaranteed the reliability and true intentions of court participants, including responsible attitude to their duties and the truthfulness and objectivity of the information they provided. However, they are absent from the modern criminal proceedings. The Russian Empire employed oaths as part of criminal proceedings and trials, but the early Soviet criminal justice system denied any religious rites in the activities of state bodies and replaced oaths with criminal liability warnings, i.e., a penal notice, to witnesses, experts, and other participants. Today, such warnings seem poorly consistent with the principle of presumption of knowledge of the criminal law. Yet, the pre-revolutionary religious oaths cannot be fully restored. However, the practice of using identical oaths has a very high preventive potential, which exceeds that of penal notice.

If modified and secularized, such legal guarantees may find their way back to the sphere of criminal proceedings and trials. As for criminal liability warnings and penal notices, they should be the category of discretionary powers of inquiries, investigators, and judges to be used for tactical purposes at their own discretion.

Keywords: giving knowingly false testimony, knowingly false expert opinion, refusal to testify, witness signature, expert signature, warning of criminal liability, oath, judicial oath

Citation: Rossinskiy S. B. Oaths in Criminal Procedure: Back to Tsarist Tools? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(3): 462–471. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-3-462-471>

Received 11 Jul 2025. Accepted after review 4 Aug 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

В чем смысл присяги как одного из способов обеспечения доброкачественности результатов уголовно-процессуальной деятельности? Каково ее значение для успешного решения стоящих перед уголовной юстицией задач?

Исходя из содержания имеющейся в нашем распоряжении информации историко-правового характера, можно с уверенностью констатировать, что различные присяги, клятвы, адьюрации и тому подобные торжественные обещания с незапамятных времен признавались вполне пригодными к использованию, зачастую даже приоритетными гарантиями благонадежности намерений участников уголовного судопроизводства, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений. Данные приемы были востребованы еще у народов Древнего Востока, в античных государствах, в иных странах Древнего мира. Они же широко использовались в период Средневековья, являлись достаточно распространенными способами установления обстоятельств случившегося в присущих европейским княжествам и монархиям частногоисковых формах уголовного правосудия. Тогда же стали активно применяться компургации – очистительные присяги (клятвы), предполагающие «снятие» с человека обвинения путем его клятвенного заверения в своей невиновности. Однако наибольшую популярность таких приемов обычно связывают с инквизиционным типом судопроизводства – именно тогда, в эпоху позднего феодализма и абсолютизма, они начали признаваться имеющими особое значение формальными гарантиями юридического пре-валирования одних доказательств, главным образом показаний, над другими. Присяги сохранились и в более поздних формах уголовного правосудия – остались свойственны и состязательным, и смешанным порядкам процессуальной деятельности, в том числе предусмотрены законодательством целого ряда современных государств со сложившимися правовыми традициями и развитыми правовыми системами в целом и системами уголовной юстиции

в частности. Правда на сегодняшний день присягам придается уже несколько иной смысл, а их процессуальная роль является уже не такой заметной.

Некогда существовавшие на территории нашей страны механизмы расследования и судебного разбирательства уголовных дел тоже не являлись исключениями. Упоминания о различных судебных присягах и клятвах (в первую очередь так называемых ротах) можно встретить и в Русской Правде, и в известных средневековых Судных грамотах, и в обоих Судебниках Московского централизованного государства, и в Соборном уложении 1649 г., и в положениях уголовно-процессуального права Российской Империи. Однако в дальнейшем, после Октябрьской революции подобные процессуальные гарантии были признаны неприемлемыми. Ни в РСФСР, ни в других союзных республиках они не использовались, а на сегодняшний день были возвращены лишь для обеспечения некоторой ритуальности участия граждан – присяжных заседателей в осуществлении правосудия.

В этой связи в настоящее время не лишними актуальности видятся вопросы о возвращении присяг и в другие механизмы уголовного судопроизводства, в первую очередь связанные с необходимостью обеспечения благонадежности и правдивости показаний, экспертных заключений и другой доказательственной информации вербального характера.

Цель исследования – рассмотреть вопрос о возможности более активного использования потенциала присяг как традиционно признаваемых гарантий благонадежности намерений участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе их ответственного отношения к исполнению своих обязанностей, правдивости и непредвзятости сообщаемых сведений.

Методы и материалы

Проведенное исследование основано на изучении ряда доктринальных источников по теории и истории государства и права, а также уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике.

Кроме того, подробно проанализированы положения законодательства Российской Империи, РСФСР, действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), некоторые источники зарубежного права в сфере уголовной юстиции и т. д.

Содержание и результаты проведенных изысканий предопределены диалектическим подходом к познанию реальности, предполагающим изучение и осмысление подлежащих исследованию проблем в своем развитии. В качестве общенаучных использовались методы системного анализа, описания, сравнения, а также дедукции, индукции, абдукции, анализа и синтеза, позволившие осознать непроработанность поднимаемых в статье вопросов и наметить направления предпринимаемых доктринальных поисков. Для выявления причин упразднения присяг как гарантий обеспечения правдивости и благонадежности доказательственной информации вербального характера, для определения путей разрешения некоторых наблюдаемых в этой связи практических проблем были применены специальные методы научного исследования: историко-правовой, формально-юридический, социолого-правовой, компаративистский (метод сравнительного правоведения) и др.

Результаты

Метаморфозы гарантий доброкачественности вербальных средств уголовно-процессуального доказывания: от религиозных присяг к предупреждениям об ответственности

Традиционно считаясь вполне пригодными к использованию в качестве гарантий доброкачественности средств доказывания, присяги и тому подобные торжественные обещания были присущи русскому уголовному правосудию, начиная с глубокой древности. В дальнейшем они сохранились и в уголовном судопроизводстве Российской Империи, до 1864 г. состоявшем в совокупности механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел, предусмотренных архаичными нормами Соборного уложения 1649 г. и ряда принятых в периоды правления Петра I, Екатерины II, Александра I [1, с. 127; 2, с. 238] инструктивных документов, а с 1835 г. – положениями унифицированного Свода законов [3, с. 179].

В частности, присяги активно использовались для обеспечения качества, в первую очередь юридического совершенства, результатов формально-следственных (проводимых в ходе формального следствия) и судебных допросов свидетелей, включая так называемых сведущих людей (в современной

терминологии – экспертов). Но многие социальные группы в силу некоторых (далеко не самых справедливых) причин к свидетельству под присягой не допускались. Тогда как для обвиняемых (подсудимых) предусматривались упомянутые выше очистительные присяги. Они считались несовершенными средствами доказывания, а прибегать к их помощи позволялось лишь в случаях невозможности изобличения или оправдания человека путем использования других доказательств. Одновременно рекомендовалось относиться к очистительным присягам с большой осторожностью, не добиваясь от обвиняемых подобных заверений посредством принуждения.

В соответствии с положениями гл. 7 разд. 4 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (УУС)¹ основной гарантией правдивости свидетельских показаний и объяснений сведущих лиц также признавалась религиозная присяга, даваемая лицами в соответствии с обрядами их вероисповеданий. Лица, исповедующие православие, приводились к присяге священником – ему предписывалось зачитывать клятвенное обещание религиозного характера, а свидетелю (сведущему лицу) – прикладываться к кресту, евангелию и вслух произносить: *Клянусь*. Иных верующих – католиков, лютеран, иудеев, мусульман и пр. – надлежало приводить к присяге согласно догматам и обрядам исповедуемых ими религий, для чего следовало приглашать соответствующих духовных лиц; в случае отсутствия таковых приведение «иноверца» к присяге поручалось председателю суда. Правда к использованию подобных гарантий были предрасположены далеко не все свидетели. Законом предусматривалось достаточно много специальных субъектов, не допускаемых к свидетельству под присягой. Священнослужители и христианские монахи, напротив, освобождались от присяги. Лицам, «принадлежащим к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги»², вместо нее позволялось давать обещание «показывать всю правду по чистой совести»³ и т. д. В любом случае перед допросом председателю суда в соответствии со ст. 716 УУС надлежало напомнить про ответственность «за лживые показания» (объяснения), но лишь напомнить, не разъясняя соответствующих положений уголовного закона и не прибегая к получению каких-либо подписок. А для предварительного следствия ни присяг, ни напоминаний об уголовной ответственности по общему правилу просто не предусматривалось – согласно ст. 442 УУС судебному следователю предписывалось приводить

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20.11.1864. *ИПП Гарант*.

² Там же.

³ Там же.

свидетеля к присяге лишь в случаях перспективы его длительного отсутствия в месте производства по уголовному делу либо постоянного проживания вдали от места нахождения суда, а также ввиду наличия у него заболевания с реальной возможностью достаточно скорого смертельного исхода.

Известные революционные потрясения 1917 г., приведшие к возникновению Советской России, предопределили закономерный отказ от использования религиозных присяг и тому подобных способов обеспечения достоверности необходимых для нужд юстиции, в том числе уголовной юстиции, сведений. В принципе сформированное после Октябрьской революции рабоче-крестьянское правительство вовсе не стремилось к незамедлительному упразднению прежних, особо не противоречащих новой парадигме государственного управления механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Напротив, ответственные за формирование раннесоветской системы уголовной юстиции (до весны 1918 г. – преимущественно представители левозерсовской партии [4, с. 164], а затем – члены РСДРП(б) с дореволюционным юридическим прошлым [5, с. 38]) постарались обеспечить максимально возможную преемственность вводимых правил по отношению к хорошо апробированным и достаточно прогрессивным для своего времени положениям «царского» законодательства. Вместе с тем сохранение религиозных присяг ввиду понятных причин не было возможным ни при каких условиях.

Поэтому уже в ст. 14 принятого ВЦИКом в феврале 1918 г. известного Декрета о суде № 2 предписывалось отменить любые присяги, а достоверность свидетельских показаний обеспечивать предупреждением (в современной терминологии – предупреждением) об ответственности за ложность сообщаемых сведений. Позднее эти же идеи нашли отражение в положениях «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого менее чем через год «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (УПК РСФСР 1923 г.)⁴. Так, в соответствии со статьями 164 и 274 УПК РСФСР 1923 г. народному следователю или председателю в судебном заседании предписывалось, приступая к допросу свидетеля, помимо прочего, предупреждать вызванное лицо об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, о чем отбирать у него подписку; в ст. 170 УПК РСФСР 1923 г. схожие требования

(только без необходимости получения подписки) устанавливались и в части назначения судебной экспертизы.

В дальнейшем эти же требования в несколько измененном виде нашли отражение в положениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (УПК РСФСР 1960 г.)⁵. Согласно ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 287 УПК РСФСР 1960 г., приступая к допросу достигшего 16-летнего возраста свидетеля (потерпевшего), надлежало предупреждать его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ либо уклонение от дачи показаний – данные факты также надлежало фиксировать посредством соответствующих подписок, подлежащих изложению в протоколах следственных действий либо приобщаемых к материалам судебных заседаний самостоятельных документах. В соответствии с ч. 2 ст. 134 и ч. 2 ст. 269 УПК РСФСР 1960 г. схожие «ритуалы» предусматривались в части обеспечения должной работы переводчика, а в соответствии с ч. 2 ст. 139 УПК РСФСР 1960 г. – для обеспечения режима неразглашения данных предварительного следствия. Кроме того, близкими предписаниями обременялись процедуры назначения судебных экспертиз. В соответствии с ч. 2 ст. 187 и ч. 2 ст. 189 УПК РСФСР 1960 г. эксперта надлежало предупреждать об ответственности за заведомо ложное заключение: при проведении исследований в судебно-экспертном учреждении данная обязанность возлагалась на его руководителя, тогда как при назначении экспертизы «частному», т.е. не работающему в судебно-экспертном учреждении лицу – на самого следователя (иного вынесшего соответствующее постановление субъекта). В УПК РСФСР 1960 г. прямо не говорилось об обязанности эксперта давать соответствующую подписку. Однако подобные требования стали усматриваться практическими работниками из смысла закона. По крайней мере, повсеместно используемые в практике последних лет применения позднесоветского уголовно-процессуального законодательства стандартизированные шаблоны экспертных заключений предполагали располагаемую во вводной части подписку эксперта о разъяснении ему прав, обязанностей и предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения⁶.

Таким образом, причины, некогда побудившие к введению в сферу уголовно-процессуального регулирования требований о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, прочих участников

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: <http://museumreforms.ru/node/13986> (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). СПС КонсультантПлюс.

⁶ Автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы), приходилось работать с множеством подобных документов.

досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности за определенные преступления против правосудия, были напрямую связаны с атеистическим характером советской идеологии, с отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых ранее свидетельских присяг. Правда начиная с 1960-х гг. в юридической литературе стали вновь обсуждаться идеи о возможности использования присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений. Так, еще в 1969 г. Г. З. Анашкин указал на потребность приведения свидетелей к государственной присяге [6, с. 37]. Несколько позднее М. Х. Хабибуллин посчитал разумным придавать процедурам предупреждения об уголовной ответственности большую торжественность либо вообще заменить их присягами или клятвами – в целях позитивного психологического воздействия на свидетелей (потерпевших), побуждения указанных лиц к подлинному осознанию всей важности сообщаемых ими сведений [7, с. 143]. О целесообразности замены присягами предупреждений об уголовной ответственности «профессиональных» экспертов, т.е. сотрудников судебно-экспертных учреждений, неоднократно писали Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская и другие ученые-криминалисты [8, с. 615–616; 9, с. 127].

Предупреждение об уголовной ответственности как современный суррогат уголовно-процессуальной присяги

На сегодняшний день именно предупреждения об уголовной ответственности остаются главными «заменителями» используемых ранее уголовно-процессуальных присяг – являются наиболее известными процессуально-профилактическими мерами, применяемыми к различным участникам досудебного либо судебного производства в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей, в первую очередь недопущения совершения преступлений против правосудия, предусмотренных рядом статей, включенных в гл. 31 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)⁷. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 141 и ч. 6 ст. 318 УПК РФ заявителя надлежит предупреждать об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). В силу ч. 5 ст. 164 УПК РФ, находящейся в системном единстве с ч. 1 ст. 189 УПК РФ, участвующих в вербальных следственных действиях потерпевших и свидетелей предписывается предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи

показаний и дачу заведомо ложных показаний, а переводчиков – за заведомо ложный перевод (статьи 307, 308 УК РФ); исходя из смысла закона, эти же предписания касаются и судебных заседаний по уголовным делам, рассматриваемым в первой либо апелляционной инстанциях. Необходимость предупреждения экспертов об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ) вытекает из совокупного содержания частей 2, 4 ст. 199 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, хотя нельзя не обратить внимания на особый, достаточно неопределенный режим доведения указанных сведений до сотрудников государственных экспертных учреждений. А потребность в принятии схожей профилактической меры в отношении специалистов, не будучи формально легализованной в положениях уголовно-процессуального закона, является следствием продуктивной работы Пленума Верховного Суда РФ – в п. 17 постановления Пленума «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»⁸ специалиста рекомендуется допрашивать по правилам допроса свидетеля, в том числе разъяснять предусмотренную ст. 58 УПК РФ ответственность. И, наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК РФ участников досудебного производства по уголовному делу надлежит предупреждать об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

Все эти процессуально-профилактические меры являются настолько устоявшимися, настолько глубоко укоренившимися в законодательстве и правоприменительной деятельности, что воспринимаются практическими работниками как само собой разумеющиеся. На сегодняшний день вряд ли можно встретить дознавателя, следователя, прокурора, адвоката, сотрудника судебно-экспертного учреждения или судью, сомневающегося в необходимости предупреждения некоторых участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности за совершение определенных преступлений против правосудия. Более того, маловероятно, что кто-либо из них даже задумывается над данными вопросами – обычно такие предупреждения как фрагменты ежедневной процессуальной рутины осуществляются достаточно рефлекторно, машинально, «на автомате», а подчас – и вообще сугубо формально, т.е. посредством беглого и невнятного зачитывания судьей соответствующих положений закона или настоятельных предложений

⁷ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996. СПС КонсультантПлюс.

⁸ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 19.12.2017. СПС КонсультантПлюс.

следователя (дознателя) расписаться в специально предусмотренной графе протокола либо в самостоятельной подписке о неразглашении данных предварительного расследования. Скорее всего подобные сомнения и раздумья не присущи и подавляющему большинству преподавателей уголовного процесса, и многим ученым-процессуалистам. По крайней мере, такие вопросы, как правило, поднимались и продолжают подниматься лишь в публикациях уголовно-правовой направленности – в связи с рассмотрением проблем квалификации соответствующих преступлений [10, с. 144–146; 11; 12, с. 282; 13, с. 195–204; 14]. Тогда как в уголовно-процессуальной литературе они практически не освещаются – о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности (вариативно – о разъяснении им соответствующих положений УК РФ) обычно заявляется как об аксиоматичной данности [15, с. 168; 16, с. 43; 17, с. 152; 18, с. 697]. И только в некоторых публикациях содержатся отдельные намеки, способствующие распознаванию в позициях авторов отношения к подобным предупреждениям (разъяснениям) как к профилактическим упреждениям, направленным на обеспечение правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь объективности сообщаемых ими сведений [19, с. 181–182].

В этой связи возникает ряд закономерных вопросов. Что подтолкнуло явно необремененного советской идеологией, а, напротив, стремившегося (порой слишком сильно и демонстративно) отказаться от всего советского «коллективного законодателя» к сохранению в действующем УПК РФ ранее вытеснивших религиозные присяги требований о предупреждениях участников уголовного судопроизводства об ответственности и получениях соответствующих расписок? Что послужило причиной к расширению подобных требований за счет предписаний о предупреждении заявителей, в том числе потенциальных частных обвинителей, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос? Почему обсуждаемые в научной литературе идеи о возможности возвращения к использованию присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений не вызвали никакой правотворческой реакции?

По прошествии времени возможности точно и однозначно ответить на все указанные вопросы, наверное, уже не представится – вместо этого придется ограничиться лишь наиболее вероятной гипотезой. По всей видимости, сохранение в действующем законе требований о предупреждениях участников уголовного судопроизводства

об ответственности, т.е. своеобразных суррогатов-«заменителей» присяг, стало следствием банального оставления авторами-разработчиками УПК РФ данных вопросов без должного внимания. Вместе с тем подобные предупреждения сами по себе представляются достаточно сомнительными гарантиями обеспечения доброкачественности результатов процессуальной деятельности ввиду очевидных противоречий с принципом презумпции знания уголовного закона.

Предупреждение об уголовной ответственности vs презумпция знания уголовного закона

Установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых других лиц об уголовной ответственности, будучи достаточно устоявшимися процессуальными гарантиями, представляются несколько странными. Они плохо согласуются с известным принципом презумпции знания закона в целом и уголовного закона в частности, обычно выражаемым в виде крылатого латинского афоризма *Ignorantia juris neminet excusat* (Незнание закона не освобождает от ответственности). Никто не может оправдываться незнанием закона – писал крупный советский правовед А. А. Тилле, – эту известную с незапамятных времен «формулу», продолжал ученый, надлежит осознавать и всякому юристу, и любому не состоящему в юридической корпорации обывателю [20, с. 34]. Схожие взгляды высказывались и другими известными авторами. И действительно, в части прочих правоотношений, в том числе каких-то обыденных, повседневно-жизненных ситуаций справедливость и бесспорность подобного «неписанного» принципа ни у кого не вызывает сомнений – в противном случае можно было бы ожидать его формальное закрепление в положениях Конституции РФ или уголовного закона.

В этой связи вряд ли кому-либо может прийти в голову мысль о потребности в предупреждении любого выходящего из дома человека о недопустимости совершения убийства, кражи, грабежа, разбоя и т.д. (по списку), а сажащегося «за руль» автомобилиста – о преступности нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности тяжкий вред здоровью. Маловероятно, что сотрудники ЗАГСа станут разъяснять вступающим в законный брак молодым людям положения уголовного закона, предусматривающего санкции за домашнее насилие. Едва ли кому-то покажется разумным каждое утро требовать от приходящего на работу чиновника давать подписку об осведомленности об уголовной ответственности за получение взятки, злоупотребление полномочиями, халатность и пр.; еще менее вероятно, что кто-то сочтет необходимым

подвергать таким бессмысленным обременениям сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Однако в отношении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых иных участников определенных уголовно-процессуальных правоотношений (равно как и гражданско-процессуальных, и ряда других процессуальных правоотношений) почему-то стал использоваться принципиально иной подход – принцип презумпции знания уголовного закона фактически был заменен противоположным принципом презумпции незнания уголовного закона. Причем наиболее вычурными на этом фоне выглядят нормы, закрепленные в ч. 3 ст. 53 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, помимо прочего, обязывающие адвокатов-защитников (юристов-профессионалов) давать подписки о разъяснении ответственности за разглашение данных предварительного следствия, а государственных судебных экспертов (экспертов-профессионалов) – ответственности за заведомую ложность экспертного заключения. Да и многие другие предупреждения об уголовной ответственности в реальности становятся не более чем пустыми формальностями. Например, таковыми представляются подобные меры, предпринимаемые в отношении «профессиональных» свидетелей: сотрудников полиции, Росгвардии, ФСБ России и пр. или часто привлекаемых к сотрудничеству переводчиков.

Конечно, презумпцию знания уголовного закона нельзя считать абсолютно универсальной и неопровержимой. Скорее следует согласиться с позициями ученых, предлагавших и продолжающих предлагать ограничивать практическую реализацию данного принципа рядом исключений. Так, еще Н. С. Таганцев вполне справедливо не допускал существования супер-эрудированных людей, в том числе профессиональных юристов, знающих все нюансы «антикриминального» (в терминологии автора – полицейского) законодательства [21, с. 238]. Схожей точки зрения придерживался М. С. Строгович. Однако ученый в характерном для его публикаций несколько пропагандистском стиле связывал причины ненадлежащего знания населением положений уголовного права свойственными буржуазным странам и несвойственными советскому государству путанностью и неясностью системы законодательства [22, с. 207]. В настоящее время подобных взглядов придерживаются С. С. Тихонова, П. Н. Панченко, В. И. Кузнецов, М. А. Ревазов [23, с. 125–127; 24, с. 228; 25, с. 69–70; 26, с. 16–17].

Вместе с тем предусмотренные статьями 306–308 и 310 УК РФ преступления являются уж слишком «примитивными», а охраняемые ими правоотношения (будучи воплощением известных,

в каком-то смысле даже традиционных для российского общества ценностей) вполне очевидными для понимания абсолютным большинством населения. Вряд ли кто-либо из представителей многонационального народа Российской Федерации не знает (по крайней мере не догадывается) об аморальности лжи, тем более в связи с потенциальной возможностью освобождения от ответственности виновного в каком-либо деянии человека или, наоборот, привлечения к ответственности невиновного. Маловероятно, что в реальности кто-либо может не осознавать неприемлемости отказа от выполнения законных требований государственного органа (должностного лица) либо разглашения вверенной тайны. Все эти признаваемые в основных мировых культурах и религиях «прописные истины», обычно доводимые до людей в процессе родительского, школьного или иного воспитания, хорошо известны каждому, пусть даже самому «неблагополучному» и постоянно игнорирующему подобные каноны члену общества – также хорошо, как и постулаты о недопустимости убийства, изнасилования, кражи и т. п.

Во многом установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении свидетелей (потерпевших), экспертов, некоторых других лиц об ответственности направлены не столько на устрашение данных субъектов, сколько на их правовое «просвещение» – подразумевают не столько побуждение к опасениям за наступление предусмотренных статьями 306–308 и 310 УК РФ репрессивных (достаточно щадящих) последствий, сколько разъяснение тех конкретных форм аморального поведения в сфере уголовного судопроизводства, которые признаются уголовно-наказуемыми деяниями. Вместе с тем добиться надлежащего эффекта таких предупредительных мер, т. е. обеспечить подлинное понимание среднестатистическими адресатами доводимых до них положений уголовного закона, все равно практически невозможно. Ведь в силу достаточно сложной национальной системы уголовно-правового регулирования, предполагающей возможность применения конкретных норм Особенной части УК РФ лишь в системном единстве с положениями Общей части УК РФ, с учетом имеющихся позиций Пленума Верховного Суда РФ, а иногда – и Конституционного Суда РФ, «рядовые» обыватели, т. е. не имеющие базовой юридической подготовки, порой – даже банального среднего образования дилетанты, просто не в состоянии уразуметь смысл вкратце сообщаемых им сведений. Тогда как для подлинного осознания данных сведений подавляющим большинством потерпевших, свидетелей, других лиц дознавателю, следователю или судье приходилось бы каждый раз превращаться в преподавателя уголовного права и методично знакомить

человека со всеми нюансами квалификации одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 306–308 или 310 УК РФ, и особенностями соответствующей правоприменительной практики. Ввиду понятных причин такие приемы дознавательской, следственной или судебной работы видятся совершенно невозможными.

Заключение

Означает ли все вышесказанное, что на сегодняшний день существует объективная потребность в реставрации предусмотренных дореволюционным законодательством религиозных присяг как гарантий надлежащего исполнения свидетелями (потерпевшими), экспертами, другими участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей? Нет, не означает!

Представляется, что невзирая на проводимую государством достаточно мудрую политику в сфере возрождения церковных ценностей, в России вряд ли когда-нибудь, по крайней мере в обозримом будущем, удастся достигнуть дореволюционного уровня религиозности населения, в частности, большого количества подлинно и глубоко верующих людей. Тем более что установленные Уставом уголовного судопроизводства Российской Империи механизмы были не такими уж безупречными и справедливыми, какими они видятся некоторым ученым-процессуалистам, главным образом представителям так называемой либеральной общественности, привыкшим к демонизации всего советского, в том числе постреволюционных реформ в сфере уголовной юстиции. Например, в соответствии со ст. 707 УУС в случае заявления какой-либо из сторон отвода к свидетельству под присягой не допускались «лишенные по суду всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных»⁹, «евреи – по делам бывших их единоверцев, принявших христианскую веру, и раскольники – по делам лиц, обратившихся из раскола в православие»¹⁰, некоторые другие категории вполне нормальных в современном понимании лиц.

Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг (вариативно – клятв, адъюраций и т. п.) представляется имеющей весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законом предупреждениями об ответственности по статьям 306–308 и 310 УК РФ. Думается, что «коллективному законодателю» надлежит всерьез задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства

(равно как и в сферы иных судопроизводств) подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т.е. исключающей религиозную направленность, форме. Современные процессуальные клятвы, как пишет В. С. Латыпов, не следует ассоциировать с архаичными крестоцелованиями; такие процедуры, по мнению автора, надлежит проводить в условиях нейтралитета к существующим религиям [27, с. 102].

Например, можно предусмотреть торжественную присягу, связанную с упоминанием любви к Родине, памяти предков, иных общепризнанных ценностей российского общества и подлежащую произнесению в условиях соблюдения каких-либо вытекающих из смысла Конституции РФ светских ритуалов: на фоне Государственного флага РФ, Государственного герба РФ и т.п. Также можно прибегнуть к использованию предполагающих некоторую вариативность механизмов, для чего позаимствовать опыт ныне политически недружественных, но при этом располагающих вполне качественными правовыми системами государств. В частности, в Соединенных Штатах Америки в настоящее время предусмотрена достаточно «гибкая» процедура приведения к присяге, рассчитанная на представителей разных конфессий, атеистов, детей и прочих категорий лиц – каждому свидетелю дозволяется клясться с упоминанием ценностей исповедуемой религии либо давать тождественные обещания без обращения к таковым. Главное – не допускать ошибку, которую в свое время допустили достаточно далекие от простого народа авторы-разработчики текста торжественной клятвы присяжных заседателей. Ведь содержание ч. 1 ст. 332 УПК РФ не предполагает упоминания признаваемых населением ценностей, т.е. чего-то подлинно «цепляющего», не являющегося для народа «простым звуком» – вместо этого используются какие-то казенные и далеко не всем понятные формулировки типа принятия во внимание всех рассмотренных в суде доказательств, необходимости рассмотрения дела по внутреннему убеждению и пр.

В любом случае для обеспечения надежности подобных процессуальных присяг государству было бы желательно принять дополнительные меры, способствующие повышению уровня правовой культуры населения, пониманию рядовыми обывателями особого значения правосудия и осознанию ими необходимости должного исполнения судопроизводственных запретов и обязанностей, например, предусмотреть подробное рассмотрение соответствующих вопросов на школьных уроках

⁹ Устав уголовного судопроизводства Российской Империи...

¹⁰ Там же.

обществознания и т. п. Кроме того, вполне возможно предусмотреть достаточно суровую уголовную ответственность за нарушение присяги – не за дачу заведомо ложных показаний и другие, предусмотренные статьями 306–308 и 310 УК РФ, деяния, а именно за нарушение присяги.

Одновременно надлежит задуматься о деформализации (об исключении из числа непреложных компонентов процессуальной формы) профилактических предупреждений заявителей, свидетелей, потерпевших, экспертов, некоторых иных участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение соответствующих их правовому положению преступлений против правосудия. Подобные возможности разумнее всего перевести в разряд дискреционных полномочий дознавателей,

следователей, судей, т. е. позволить им пользоваться такими процессуальными средствами по своему усмотрению в тактических целях – лишь при возникновении потребности в дополнительных аргументах, способствующих побуждению определенных участников уголовного судопроизводства к должному поведению, в первую очередь к сообщению правдивых сведений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Голунский С. А. Право на справедливость. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 608 с. [Golunskiy S. A. *The right to justice*. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 2024, 608. (In Russ.)]
2. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Московский ун-т, 1956. 271 с. [Polyanskiy N. N. *Questions of the theory of soviet criminal procedure*. Moscow: Moscow University, 1956, 271. (In Russ.)]
3. Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права. *Государство и право*. 2024. № 12. С. 172–185. [Chuchaev A. I. Development of criminal law legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: The struggle for the identity of Russian law. *State and Law*, 2024, (12): 172–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S1026945224120168>
4. Чучаев А. И., Россинский С. Б. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории. *Труды Института государства и права РАН*. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175. [Chuchaev A. I., Rossinskiy S. B. The charter of criminal procedure of the RSFSR of 1918: Lessons of history. *Works of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, 18(6): 160–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev>
5. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия), ред. А. И. Чучаев. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с. [*Code of criminal procedure of the RSFSR of 1922 as the first Soviet procedural code: To its 100th anniversary*, ed. Chuchaev A. I. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 2023, 216. (In Russ.)]
6. Анашкин Г. З. Актуальные проблемы правосудия в СССР. М.: Знание, 1969. 48 с. [Anashkin G. Z. *Relevant issues of justice in the USSR*. Moscow: Znanie, 1969, 48. (In Russ.)]
7. Хабибуллин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань: Казанский ун-т, 1975. 161 с. [Khabibullin M. Kh. *Responsibility for knowingly false denunciation and knowingly false testimony under Soviet criminal law*. Kazan: Kazan University, 1975, 161. (In Russ.)]
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-Дана, 2001. 837 с. [Belkin R. S. *Course in criminalistics*. 3rd ed. Moscow: UNITY-Dana, 2001, 837. (In Russ.)]
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном гражданском арбитражном процессе. М.: Право и закон, 1996. 224 с. [Rossinskaya E. R. *Forensic examination in criminal and civil arbitration proceedings*. Moscow: Law and right, 1996, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsbndp>
10. Курс советского уголовного права, ред. А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. М.: Институт государства и права АН СССР, 1971. Т. 6. 559 с. [A course in Soviet criminal law, eds. Piontkovsky A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. Moscow: Institute of State and Law of the AS USSR, 1971, vol. 6, 559. (In Russ.)]
11. Юдушкин С. М. Ответственность за ложный донос. *Советская юстиция*. 1974. № 2. С. 10–14. [Yudushkin S. M. Responsibility for false denunciation. *Soviet justice*, 1974, (2): 10–14. (In Russ.)]
12. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с. [Gorelik A. S., Lobanova L. V. *Crimes against justice*. St. Petersburg: Legal Center Press, 2005, 491. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkiawz>

13. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Проспект, 2008. 560 с. [Brilliantov A. V., Kosevich N. R. *Handbook of the judge: Crimes against justice*. Moscow: Prospect, 2008, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwkih>
14. Лобанова Л. В. Значение предупреждения лица об уголовной ответственности для квалификации посягательств, совершенных в сфере правосудия по уголовным делам. *Уголовное право*. 2012. № 3. С. 47–52. [Lobanova L. V. The value of warning a person about the criminal liability for qualification of the crimes against of justice in criminal cases. *Criminal Law*, 2012, (3): 47–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oykmrr>
15. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Мн.: Вышэйшая школа, 1973. 367 с. [Porubov N. I. *Interrogation in Soviet criminal proceedings*. Minsk: Higher School, 1973, 367. (In Russ.)]
16. Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Прокуратура СССР, 1977. 166 с. [Soloviev A. B., Center E. E. *Interrogation during the preliminary investigation*. Moscow: Institute for Advanced Training of Management Personnel of the USSR Prosecutor's Office, 1977, 166. (In Russ.)]
17. Семенов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 300 с. [Semenov V. A. *Investigative actions in pre-trial proceedings: General provisions of theory and practice*. Ekaterinburg: Ural State Law Academy, 2006, 300. (In Russ.)]
18. Курс уголовного судопроизводства, ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с. [A course in criminal proceedings, ed. Golovko L. V. Moscow: Statut, 2016, 1276. (In Russ.)]
19. Шейфер С. А. Следственные действия. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с. [Sheifer S. A. *Investigative actions*. Moscow: Yurлитinform, 2001, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nggudb>
20. Тилле А. А. Презумпция знания законов. *Правоведение*. 1969. № 3. С. 34–39. [Tille A. A. Presumption of knowledge of laws. *Jurisprudence*, 1969, (3): 34–39. (In Russ.)]
21. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. М.: Наука. 1994. Т. 1. 380 с. [Tagantsev N. S. *Russian criminal law*. Moscow: Nauka, 1994, vol. 1, 380. (In Russ.)]
22. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л.: АН СССР, 1947. 276 с. [Strogovich M. S. *The doctrine of material truth in criminal proceedings*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1947, 276. (In Russ.)]
23. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 244 с. [Tikhonova S. S. *Legal technique in criminal law*. Nizhniy Novgorod: Dekom, 2008, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qraffv>
24. Панченко П. Н. Презумпция знания закона как условие вины и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2010. № 2. С. 227–233. [Panchenko P. N. Presumption of the knowledge of law as a condition of guilt and responsibility in the criminal law and its treatment concerning the crimes committed in the economic activity. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, 2010, (2): 227–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/norpmid>
25. Кузнецов В. И. Презумпция знания закона в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и ее правовые последствия. *Вестник Пермского института ФСИН России*. 2023. № 1. С. 66–73. [Kuznetsov V. I. Presumption of knowledge of the law in criminal proceedings of the Russian Federation and its legal consequences. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*, 2023, (1): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svtejj>
26. Ревазов М. А. Презумпция понимания закона его адресатами. *Журнал Конституционного правосудия*. 2024. № 2. С. 15–18. [Revazov M. A. Presumption of understanding the law by its recipients. *Zhurnal Konstitucionnogo pravosudija*, 2024, (2): 15–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2024-2-15-18>
27. Латыпов В. С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура? *Правовое государство: теория и практика*. 2025. № 1. С. 98–103. [Latypov V. S. The criminal procedural phenomenon of the oath: A legal rudiment or an undervalued public law procedure? *The Rule of Law State: Theory and Practice*, 2025, (1): 98–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.10>